

КУЛЬТУРА И СОЦИУМ

DOI: 10.31696/S086919080037692-8

«СУТРА ЛОТОСА» В ДИАЛОГЕ БУДДИЗМА И ПОЭЗИИ
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЯПОНИИ

© 2026

В.А. ФЕДЯНИНА ^а^а – Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-2914-043X; Fedyaninava@mgpu.ru

Резюме: «Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы» (далее «Сутра Лотоса») – один из основополагающих текстов буддизма, пришедшего в Японию в середине VI в. Доктринальная составляющая, темы, образы, мотивы и идеи этой сутры пронизывают многие аспекты японской культурной и религиозной жизни, традиционной и современной. Настоящее исследование ставит целью проанализировать процесс адаптации и контекстуализации «Сутры Лотоса» в японской культуре в VIII – начале XIII вв. на материале поэзии на родном, японском, языке, в стихотворениях вака. В работе применяется комплексный подход, объединяющий культурно-исторический метод с текстологическим и интертекстуальным анализом. Такой подход позволяет проследить основные пути репрезентации идей сутры в поэзии в соответствии с японской культурной традицией и выявить трансформацию этих путей репрезентации по мере японизации буддийских ритуалов и понимания поэзии, аристократической и народной, как буддийской практики.

В настоящем исследовании на конкретных примерах описываются возможности японской поэзии в художественном отражении учения «Сутры Лотоса», в ее переложении на язык традиционных образов и привычных японцам понятий. На основании источников VIII – начала XIII вв. (корпуса поэтических произведений, императорских антологий и частных поэтических собраний, указанного периода) выделены основные периоды в процессе адаптации «Сутры Лотоса» в японской поэзии. Это 1) появление поэзии на японском языке, вдохновленной сутрой; 2) создание циклов стихотворений по двадцати восьми главам сутры с использованием традиционных приемов японской поэзии; 3) развитие придворной и народной поэзии по темам сутры и включение этих вака в поэтический канон и в официальные императорские антологии; 4) понимание поэтической деятельности в рамках буддийского мировоззрения, появление новой теории японской поэзии и трактовка стихосложения на темы сутры как действенного пути к достижению просветления.

Ключевые слова: «Сутра Лотоса», японская поэзия, стихотворения вака, «песни об учении Будды» сяккё:ка, «песни радости» хо:раку

Для цитирования: Федянина В.А. «Сутра Лотоса» в диалоге буддизма и поэзии в средневековой Японии. *Восток (Oriens)*. 2026. № 4. С. 132–144. DOI: 10.31696/S086919080037692-8

THE “LOTUS SUTRA”: THE DIALOGUE BETWEEN BUDDHISM AND POETRY IN MEDIEVAL JAPAN

© 2026

Vladlena A. FEDIANINA ^a^a – Moscow City University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-2914-043X, Fedyaninava@mgpu.ru

Abstract: *The “Wonderful Dharma Lotus Flower Sutra” (further the “Lotus Sutra”) is one of the fundamental texts of Buddhism, which came to Japan from the mainland in the middle of the 6th century. The profound and multifaceted doctrinal elements, core ideas and potent symbols and motifs intrinsic to the “Lotus Sutra” have deeply permeated many aspects of Japanese culture, traditional and modern. This article examines how the “Lotus Sutra” was interpreted in the Japanese culture from the 8th to early 13th centuries, drawing on Japanese waka poetry. The comprehensive approach combining the cultural historical method with textual and intertextual analysis enables us to trace the ways in which the sutra’s ideas were represented in poetry. The article outlines how Japanese poetry was ascribed a capacity to articulate the teachings of the “Lotus Sutra”, directly and figuratively.*

The study focuses on primary sources: poetry written in Japanese from the 8th to early 13th centuries. By analyzing these poems, the author has identified the main periods in the process of adapting the Lotus Sutra into Japanese poetry. They are: 1) the origins of Japanese-language poetry inspired by the sutra; 2) the earliest poetry cycles on the twenty-eight chapters of the sutra; 3) poems based on the “Lotus Sutra” incorporated into the established canonical repertoire of the Japanese waka tradition and the evolution of both court and folk poetry; 4) a new theory of Japanese poetry that reconfigured these poems not as mere art, but as a vehicle for spiritual awakening.

Keywords: “Lotus Sutra”, Japanese poetry, waka poems, poems on Śākyamuni’s teachings shakkyōka, “Dharma joy” hōraku poems

For citation: Fedianina V.A. The “Lotus Sutra”: The Dialogue between Buddhism and Poetry in Medieval Japan. *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 4. Pp. 132–144. DOI: 10.31696/S086919080037692-8

ВВЕДЕНИЕ

Буддизм, пришедший в Японию в середине VI в., адаптировался к местным верованиям и молодой японской культуре, в которой уже обозначились свои константы. «Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы» (далее «Сутра Лотоса»), весьма значимое в Восточной Азии буддийское писание, стала одним из центральных буддийских текстов и в Японии. По мере распространения буддизма в стране эта сутра с ее нехарактерными для древнего японского общества идеями осваивалась в течение нескольких столетий. В результате доктринальные положения, темы и мотивы сутры стали пронизывать многие аспекты японской культуры, в том числе литературу и поэзию.

За рубежом вопросам функционирования «Сутры Лотоса» в японской литературе и поэзии посвящено значительное количество исследований [Yamada, 1989; Kamens, 1990; Тагути, 2018] и др. В России результаты исследований о влиянии идей и образов сутры в произведениях словесности изложены в статье Е.С. Лепеховой [Лепехова, 2004], ряде работ Н.Н. Трубниковой [Трубникова, 2021; 2024; Trubnikova, 2024]. В работах этих рус-

скоязычных авторов рассматривается отображение положений «Сутры Лотосы» в основном в прозаических произведениях: в «Повести о Гэндзи» (*Гэндзи моногатари*, начало XI в.) [Лепехова, 2004], в «Записках о чудесах Лотосовой сутры» (*Дайнишонкоку Хоккэкё: гэнки*, середина XI в.) [Трубникова, 2024], в «Сборнике рассказов о пробуждении сердца» (Хоссинсю; начало XIII в.) [Trubnikova, 2024]. Рассмотрению буддийских идей, в том числе положений «Сутры Лотоса», в поэзии посвящена работа Н.Н. Трубниковой «Буддизм и японская поэзия в “Собрании песен о пробуждении сердца”» о цикле стихотворений начала XI в., значимом в истории буддийской поэзии в Японии [Трубникова, 2021].

Наше исследование призвано восполнить недостаток работ в отечественной науке по этой важной для буддийской культуры теме – адаптация «Сутры Лотоса» средствами японского языка и японской поэзии в японском обществе. Цель настоящего исследования – проследить общие тенденции в отражении «Сутры Лотоса» в японской поэзии в VIII–XIII вв. и на этой основе выделить главные периоды в процессе адаптации сутры в поэзии. Для достижения поставленной цели использовались культурно-исторический метод, текстологический (анализ языковых средств и смысловой нагрузки поэтических произведений по «Сутре Лотоса») и интертекстуальный (сопоставление стихотворений друг с другом и с соответствующими отрывками, темами, образами, идеями из сутры).

Источниками исследования стал корпус поэтических произведений указанного периода. Большинство этих источников доступно для исследования в электронной базе данных японского научно-исследовательского института «Международный центр японских исследований» (*Кокусай Нихонбунка энкю: сэнта*; The International Research Center for Japanese Studies).

ИСТОКИ ПОЭЗИИ ПО «СУТРЕ ЛОТОСА» И ПЕРВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ (VIII–X вв.)

Адаптация буддийских текстов в Японии после появления буддизма в стране в VI в. состояла в практике письменного копирования этих текстов; произнесения их на языке оригинала (китайский, реже санскрит) или в японском чтении китайского текста. Впоследствии японцы стали создавать собственные тексты, в том числе поэтические, для буддийских ритуалов и толкования учения. Так, при взаимодействии с буддийским учением в раннесредневековой поэзии Японии в конце X в. [Miller, 1997, p. 102] появились «песни об учении Будды» (*сяккё:ка*) и «песни радости от следования учению Будды» (*хо:раку*), берущие начало в буддийской обрядности [Федянина, Болотская, 2023, с. 57–59]. Значительная часть этой поэзии посвящалась «Сутре Лотоса». Использование стихотворений в ритуалах явилось первой из двух основных предпосылок для изложения «Сутры Лотоса» языком японской поэзии.

Японская литература испытала значительное культурное влияние Китая, а также косвенное влияние индийской литературы в связи с принятием Японией буддизма. Подобно тому, как китайская художественная литература отражала внешние атрибуты буддизма и буддийские концепты [Сторожук, 2006], некоторые жанры японской литературы также несли отпечаток буддийского влияния. Сложение стихотворений по мотивам «Сутры Лотоса» практиковалось в Китае уже во времена династии Тан [Yamada, 1989, p. 101]. Пример Тан, а также ситуация двуязычия в Японии (китайский письменный язык и японский) обусловила попытку переложить сутру на язык привычных образов и понятий в художественной форме на родном языке. Это стало второй предпосылкой для изложения «Сутры Лотоса» в японской поэзии.

Поскольку «Сутра Лотоса» бытовала в Японии в этот период на китайском языке, то первые стихи, классифицируемые как *сяккё:ка*, нередко были близкими, почти механическими

переводами китайского текста на японский язык [Kamens, 1990, p. 39]. Пример тому – *вака* в 31 слог, пятистишие, так называемая *танка*, «короткая песня», приписывается монаху и проповеднику Гёки (также Гёги, 668–749) конца VII – первой половины VIII вв.¹ Именно от стихотворения Гёки традиционно отсчитывается поэзия по «Сутре Лотоса». Оно дошло до нас в составе императорской антологии «Собрание японских песен, не вошедших в прежние антологии» (*Сю:и вакасю:*, 1005 г.) [*Сю:и вака сю:*] в разделе «Песни скорби» (*айсё:*).

№ 1346

法華經をわかえし事はたき木こりなつみ水くみつかへてそえし

[*Сю:и вака сю:* № 1346]

Хоккэкё:-о вага эси кото ва такиги кори на цуми мидзу куми цукаэтэ дзо эси

Я постиг «Сутру Лотоса», собирая хворост и травы, принося воду

В нашем переводе этого стихотворения мы демонстрируем, что в нем близко к тексту сутры перелагается на японский язык отрывок из главы XII «Девадатта». В этом отрывке описывается, как Будда Шакьямуни в прошлой жизни отрекся от своего царства и прислуживал мудрецу: «...ради [обретения] Дхармы» он «... собирал плоды, зачерпывал воду, приносил хворост, готовил пищу» для святого мудреца².

Ряд исследователей считает, что в Японии в первой поэтической антологии «Собрание мириад листьев» (*Манъё:сю:*, 756) есть стихотворения, связанные с «Сутрой Лотоса» [Yamada, 1989, p. 97]. Однако однозначные свидетельства переложения сутры на язык японской поэзии появляются в конце X в. в упомянутом «Собрании японских песен, не вошедших в прежние антологии». Помимо стихотворения Гёки в этой антологии есть еще *вака* по «Сутре Лотоса» Идзуми Сикибу (978–?) [*Сю:и вака сю:*, № 1342]³.

Оба стихотворения в составе антологии говорят о практике сложения *вака* по сутре и о знании сутры в придворных кругах в конце X в. При этом продолжался двунаправленный процесс взаимодействия буддизма и поэзии: не только буддийские практики проникали в культурную среду японского общества, но и элементы традиционной японской культуры включались в обряды [Федянина, Болотская, 2023, с. 57–59]. Это привело к лавинообразному появлению *вака* по «Сутре Лотоса» в последующий период.

ПОЯВЛЕНИЕ ЦИКЛОВ «ПЕСНИ ПО ДВАДЦАТИ ВОСЬМИ ГЛАВАМ» СУТРЫ (НАЧАЛО XI в.)

С начала XI в. появились многочисленные «песни по двадцати восьми главам» (*нидзю: хаттон-но ута*) «Сутры Лотоса». Это было обусловлено укоренением в японском обществе буддийских ритуалов, связанных с сутрой, прежде всего, обрядами «восемь чтений по 'Сутре Лотоса'» (*хоккэ хакко:*). Такие обряды возникли еще в VIII в. и сначала проводились в аристократической среде по различным поводам. Однако со временем они все более распространялись среди разных слоев населения и оказывались связанными с поминальными буддийскими обрядами (сегодня это в основном поминальные службы). Также примерно с X в. известен обряд переписывания сутры по одной главе (*иппонкё: куё:*) разными людьми в память об умершем. Появился обычай завершать переписанную главу сутры сложением по случаю стихотворением.

¹ *Вака* – это «японская песня», то есть стихотворение на японском языке с чередованием строк в 5–7 и 7–5 слогов.

² Перевод по: [Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы, 1998, с. 205].

³ Перевод и комментарии к нему приводятся в: [Трубникова, 2021, с. 34–35].

Именно с заупокойной службой связаны появления «песен по двадцати восьми главам» сутры. Первый из сохранившихся таких циклов – стихотворения по 28 главам сутры Фудзивара Кинто (966–1041), сложенные ок. 1002 г. для чтения на поминальной службе [Кинто: сю:, № 259–287]. Этот цикл создан по просьбе могущественного регента Фудзивара Митинага (966–1027), способствовавшего проведению обрядов и чтений по «Сутре Лотоса». В собрании изящной словесности «Литературные стили нашей страны» (*Хонтё: мондзуй*, XI в.) сообщается, что регент Митинага обратился к известным поэтам своего времени Фудзивара Кинто, Фудзивара Таданобу, Фудзивара Юкинари и Минамото Тосиката с просьбой сложить стихотворения по главам «Сутры Лотоса». Эти *вака* предназначались для поминальной службы по сестре Митинаги [Kamens, 1990, p. 36–37], вдовствовавшей императрице Хигаси Сандзёин (Фудзивара Сэнси, 962–1002), и все четыре поэта сложили эти стихотворения.

Также сохранились «песни по двадцати восьми главам» поэтессы Акадзомэ Эмон (956?–1041?) [Акадзомэ Эмон сю:, № 427–454], чиновника и поэта Фудзивара Нагато (949–1009) [Нагато: сю:, № 148–173], принцессы Сэнси (964–1035) [Хоссин вака сю:, 1985, с. 292–294; Трубникова, 2021, с. 32–77]. В этих песнях способ цитирования «Сутры Лотоса» различен даже внутри одного цикла одного автора. Это может быть прямое цитирование сутры, пересказ своими словами или далекое от оригинала описание (например, через природу и сезонность), отсылка к главе или большому отрывку сутры. Стихотворение может быть как глубоко эмоциональным, так и рассудочным, отстраненным рассуждением.

Значительным новаторством отличались *вака* принцессы Сэнси, великой жрицы *Дайсайин* в синтоистском святилище Камо. Ее песни по «Сутре Лотоса» вошли в «Собрание песен о пробуждении сердца» (*Хоссин вакасю*: 1012), состоящее из 55 стихотворений⁴. Из них № 25–52 написаны по двадцати восьми главам «Сутры Лотоса», последнее 55-е стихотворение также посвящено сутре. Создание этого собрания – сознательная попытка теоретически обосновать изложение буддийского учения в японской поэзии. Это делает сборник важной вехой в развитии поэзии по «Сутре Лотоса» и буддийской поэзии в Японии в целом. В предисловии к сборнику Сэнси поясняет причину его создания. Она пишет, что сам Будда Шакьямуни возносил в стихах хвалу всем буддам, поэтому сложение стихотворений – форма буддийского поклонения и практики, что было новым явлением в японской поэзии. Сэнси продолжает: «... на санскрите говорят в Индии, а она далеко от нас...; ханьскими знаками пишут в Китае, а его обыкновения нам все чужие. Я, ученица Будды, родилась в стране, где правит наш государь, получила женское тело. ...учили меня песням в тридцать один знак ... и смысл их я усвоила; дали мне образец тридцати одного знака ... и следуя ему, я сложила стихи» на японском языке как «впервые ... пропел Сусаноо» [Хоссин вака сю:, 1985, с. 293], перевод по [Трубникова, 2021, с. 51]⁵.

Непосредственно перед японским стихотворением в сборнике Сэнси приводятся отрывки на китайском. Взаимодействие двух языков, их различия и точки соприкосновения позволили создать поэтический буддийский текст, соединяющий светский мира *вака* и идеальный духовный буддийский мир. Такое помещение в буддийский контекст канонов светского стихотворения из 31 слога, наиболее распространенной формы *вака* в этот период, имело большое воздействие на последующую поэзию по «Сутре Лотоса».

После первых циклов «песен по двадцати восьми главам» и особенно после сборника Сэнси на протяжении XI в. и позднее, до XVII в. [Тагути, 2012, с. 76] продолжали создаваться подобные циклы: двадцать восемь *вака* Фудзивара Ёримунэ (993–1065), *вака* Фудзивара Тадамити (1097–1164) и др. [Yamada, 1989, p. 104–105].

⁴ Их перевод на русский язык опубликован в: [Трубникова, 2021].

⁵ Сусаноо – бог ветра в японской мифологии, который также считается родоначальником поэзии *вака*.

«СУТРА ЛОТОСА» В ПРИДВОРНОЙ И НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XI – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XII вв.)

Религиозный опыт монахов и придворных расширился в интеллектуальном и социальном плане, порождая новые эстетические отклики. Они нашли свое отражение и в поэзии, поэтому во второй половине XI–XII вв. буддийские темы все более включались в широкий спектр поэтических мероприятий и сборников (поэтические конкурсы, частные антологии и т.д.). С конца XI в. *вака* на буддийские темы стали частью официальных поэтических антологий, которые составлялись по императорскому указу в X–XV вв. и были «критерием поэтической успешности» [Торопыгина, 2016, с. 238]. Впервые *вака* по «Сутре Лотоса» во множестве (не единично) появились в императорском «Позднем собрании японских песен, не вошедших в прежние антологии» (*Госю:и сю:*, 1087). В разделе «Разное» было 19 *вака* о буддийском учении на темы, заимствованные из различных сутр (преимущественного из «Сутры Лотоса») и комментариев к ним [*Госю:и сю:*].

Однако лишь спустя век, в 7-й императорской антологии «Собрание [японских песен] за тысячу лет» (*Сэндзай сю:*, 1187) песни о буддийском учении получили особый статус и были выделены в раздел «Песни об учении Будды» [*Сэндзай сю:*]. Этот раздел сохранялся в императорских антологиях вплоть до последней антологии 1439 г. 50% всех буддийских *вака* в 14 последующих императорских антологиях написаны по сутрам, в основном по «Сутре Лотоса» [Yamada, 1998, p. 96]. Поскольку 7-я антология включает более ранние песни, мы относим ее именно к рассматриваемому периоду в процессе адаптации сутры в Японии, а не к последующему, к которому она принадлежит хронологически, но не по содержанию.

Из 54 стихотворений раздела «Песни об учении Будды (№ 1202–1255) в «Собрании [японских песен] за тысячу лет» 35 написаны по разным сутрам, в том числе около 20 *вака* — по «Сутре Лотоса» (точное число зависит от трактовки стихотворений [*Сэндзай сю:*]). В 16 *вака* в прозаическом предисловии *котобагаки* указаны главы этой сутры, вдохновившие поэтов. *Вака* этого раздела свидетельствуют о переходном характере поэзии по сутре: от старой поэтики к новой, от близкого к тексту сутры поэтического пересказа до вольной трактовки в пользу эстетической красоты.

Приведем пример стихотворения из этого раздела известнейшего поэта того времени Фудзивара Тосинари (Сюдзэй) (1114–1204), новатора в жанре *вака*, теоретика в области поэзии и составителя «Собрания [японских песен] за тысячу лет».

№ 1241

Предисловие *котобагаки*. Размышления о X главе «Учитель Дхармы»: увидев, что земля становится всё влажнее, [человек] уверен, что вода уже близка.

むさしののほりかねの井もあるものをうれしく水のちかつきにける

[Сэндзай сю:, № 1241]

Мусасино но хориканэ но и мо ару моно о урэсику мидзу но тикадзуки никэру

Есть и трудно выкапываемые колодцы Мусасино, но радостно, что [, когда копаешь,] вода становится ближе.

Стихотворение отражает характерные черты других буддийских *вака* этого периода. Выделим две наиболее значимые черты: предисловие *котобагаки* и поэтические приемы, в данном случае *утамакура*.

Котобагаки, прозаическое предисловие-примечание, пояснение обстоятельств создания стихотворения, разъяснение его смысла, часто было основным источником для трактовки

буддийского стихотворения. Трудно понять содержание приведенного выше стихотворения вне контекста буддийского учения. Этот контекст задан тем, что *вака* размещена в разделе «Песни об учении Будды», а также предисловием. Оно отсылает к следующей цитате «Сутры Лотоса»:

Человек, захотев пить, ищет воду
И копает колодец на плоскогорье.
Видя иссохшую землю, [он] знает,
Что вода ещё далеко.
Видя, что земля становится всё влажнее,
[Он] уверен, что вода уже близка⁶.

В этом отрывке из X главы сутры на образном примере поясняется, как слушание Дхармы приближает к знанию Будды. Текст отрывка позволяет примерно так понять стихотворение: «Чем труднее рыть колодец, тем более вы приближаетесь к водяной жиле, о чем говорит влажная земля. Подобно этому, чем глубже вы изучаете «Сутру Лотоса», тем ближе вы к истинной буддийской мудрости».

Утамакура, особая лексическая категория (в основном топонимы), которая позволяет выстраивать аллюзии, – один из многих традиционных приемов японской поэзии. Они основаны на особенностях японского языка (омонимии и полисемии), на культурно обусловленных ассоциативных связях и аллюзиях. Традиционные приемы все чаще использовались в песнях на буддийские темы. В анализируемом стихотворении используется *утамакура* «трудно выкапываемый колодец», или *хорикане но и*. Это одно из самых известных указаний на район Мусасино (в совр. префектуре Сайтама). Воронкообразные колодцы Мусасино, сложные для рытья, упоминались в «Записках у изголовья» в разделе 168 «Колодцы»: «колодец Хориканэ – “трудно копать”» [Сэй Сёнагон, 1995, с. 254]. Впоследствии этот образ, тесно связанный с Мусасино, был растиражирован в поэзии и прозе. Выражение «трудно выкапываемый колодец» отсылало и к «Сутре Лотоса», и к реалиям Японии. Так события, образы, понятия «Сутры Лотоса», иностранной по происхождению, вписывались в географический и культурный ландшафт Японии и давали толкование сутры в рамках японской культуры.

Включение «Сутры Лотоса» в контекст японской художественной культуры прослеживается не только в придворной жизни. О популярности «Сутры Лотоса» в народной поэзии говорит сборник «Тайник песен: пылинки на стропилах» (*Рё:дзин хисё:*), составленный в XII в. бывшим императором Го-Сиракава (правил в 1155–1158 гг.). Он хотел сохранить устную народную традицию японских песен *имаё:* и зафиксировать их в письменной форме⁷. Сборник содержит 220 буддийских песен, из них 114 – по «Сутре Лотоса» [Kim, 1994, p. 46–47].

Песни сборника разъясняют необходимость «Сутры Лотоса» в жизни верующих, иллюстрируют благотворные последствия почитания сутры и поясняют, что она дарует чудесные духовные и материальные блага, медицинскую помощь. Например, в «Тайнике песен: пылинки на стропилах» есть стихотворение, которое называет «Сутру Лотоса» волшебным зельем. Им будда-целитель Якуси исцеляет всех, у кого «есть уши, чтобы слышать» [Kim, 1994, p. 46–47]. Это стихотворение по 5-й главе сутры «Сравнение с целебными травами» (*Якусю:юбан*), в которой учение Будды сравнивается с дарующим процветание дождем.

⁶ Перевод по: [Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы, 1998, с. 195].

⁷ *Имаё:*, досл. «современный стиль», – четверостишия с просодией строк по 7–5 или 8–5 слогов; таким образом эта поэтическая форма сохраняла основополагающие принципы японского стихосложения.

«С середины XI в. стало распространенным культовое видение этой главы и стихотворений по ней во всех слоях общества, поскольку ширилось представление, что глава “Сравнение с целебными травами”, как магическое средство, помогала исцелять болезни и предотвращала старость и смерть» [Тагути, 2018, с. 76–77].

Со второй половины X в. обряды, на которых звучала «Сутра Лотоса», стали доступны простолюдным, и в «Тайнике песен: пылинки на стропилах» подчёркивается, что слушание сутры – эффективный путь к спасению и получению различных благ [Kim, 1994, p. 84–85]. Это означало снижение порога для обретения заслуг (санскр. *пунья*, яп. *гундэ* или *кудоку*, т.е. сила, возникающая от совершения благих дел и способствующая улучшению внутреннего благополучия и привлечению благоприятных обстоятельств). Также это свидетельствовало о том, что стихотворения в сборнике адресованы неграмотным мирянам: тем, кто не имел возможности прочитать о благой вести (путь к спасению для всех живых существ), содержащейся в сутре.

Японские монахи и поэты обращались к иллюстрации положений «Сутры Лотоса» в поэзии на японском языке, способствовали распространению и укоренению буддизма в Японии. Происходило освоение сутры через художественную культуру, через ее популяризацию доступными для различных слоев населения способами. В XI–XII вв. поэзия по «Сутре Лотоса» прочно заняла место в аристократической среде и народной жизни.

«СУТРА ЛОТОСА» И ПОЭЗИЯ НОВОЙ ЭСТЕТИКИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XII – НАЧАЛО XIII вв.)

Двусторонний процесс адаптации сутры в японском обществе – проникновение поэзии в буддийскую обрядность и влияние буддизма на поэтическую деятельность – привел к тому, что последняя стала трактоваться в рамках буддийского мировоззрения. Теоретическое осмысление семантического избытка *вака* с точки зрения доктринальных положений буддизма привело к появлению новых эстетических категорий. Начиная с Фудзивара Кинто «избыточное содержание» *вака* стали соотносить с поэтикой *ёдзё*: («эмоциональный отклик», «избыточное чувство» [Бреславец, 1994, с. 16–17, 260]. В XII в. при значительном буддийском влиянии сформировалась эстетическая категория *ю:гэн* т.е. «сокровенное», «скрытое содержание», «скрытая красота» [Бреславец, 1994, с. 42, 43, 50–53]. Также в XII в. переосмысление мантры/дхарани в духе учений школ Тэндай и Сингон обеспечило доктринальные основы для понимания *вака* как мантры/дхарани [Федянина, Болотская, 2023, с. 59–60]. Фудзивара Тосинари закрепил в «Собрании [японских песен] за тысячу лет» религиозную поэзию в структуре императорской антологии. Благодаря этому границы между религиозным и эстетическим еще более стерлись. Написание *вака* стало религиозной практикой, а религиозная практика предоставляла возможность для выражения эстетического.

Новое понимание японской поэзии и роли родного языка ярко проявилось в творчестве поэтов XII – начала XIII вв., слагавших циклы стихотворений по «Сутре Лотоса»: Фудзивара Тосинари, Сайгё (1118–1190), Дзякудзэна (寂然 также Дзякуэн, 1118–?), Дзякурэна (1139–1202) и Дзиэна (1155–1225). Рассмотрим это новое понимание на примере *вака* некоторых из этих поэтов: Дзякудзэна, Сайгё и Дзиэна.

Монах Дзякудзэн (его мирское имя Фудзивара Ёринари) был выдающимся мастером *вака*, чьи стихотворения входили в императорские и частные антологии. Значимым трудом Дзякудзэна стал цикл «Сто стихотворений о вратах Дхармы» (*Хо:мон хякусю*, ок. 1165). Сто стихотворений этого цикла разделены на десять традиционных для поэзии *вака* разделов (песни о четырех временах года, праздничные песни, песни разлуки, любви, жалобы, о

непостоянном, разные песни). Каждое стихотворение написано по теме (*дай*, 題), которой стала фраза из известных буддийских текстов на китайском языке. Тема предваряет стихотворения, за ним следует прозаический комментарий к выбранной теме. Пр продемонстрируем это на примере *вака* из раздела «Песни о любви». Её темой послужила фраза из главы XVI «Сутры Лотоса», которая называется «Продолжительность жизни Татхагаты».

Тема. ... И ради этого не пожалеют [своих] тел и жизней...⁸

かりそめの色のゆかりの恋にだにあふには身をも惜しみやはせし

[Ямамото, 2010, 66]

Карисомэ-но иро-но юкари-но кои-ни дани ау ни ва ми-о мо осими я ва сэси

Не жалея себя, я шел на встречу даже ради мимолётной связи...

Комментарий. Эти слова гласят, что, если всем сердцем, не шадя себя, желаешь увидеть Будду, то он явится идущему по пути Будды Шакьямуни. Желание увидеть Татхагату не уступает желаниям, порожденным заблуждениями.

В этом любовном стихотворении поэт иносказательно поясняет: если даже ради страсти люди не шадят себя, то тем более следует самоотверженно следовать буддийскому учению. И тогда идущему по пути учения явится Татхагата, как об этом сказано в той части «Сутры Лотоса», из которой взята тема стихотворения:

[Когда] все, как один, захотят увидеть Будду

И ради этого не пожалеют [своих] тел и жизней,

Тогда я вместе с сангхой

Выйду на Гору Священного Орла,

И скажу живым существам,

Что вечно пребываю здесь,

Не исчезаю⁹.

Вкладывая буддийское значение в классические поэтические темы, Дзякудзэн демонстрирует, как буддийские смыслы могут быть приписаны всем стихотворениям благодаря окружающему их контексту.

Сайгё — поэт-монах, много странствовавший по стране; один из величайших мастеров японской поэзии, значительно повлиявший на творчество более поздних поэтов. Сайгё не был связан с конкретной буддийской школой, но уделял внимание учению Сингон и излагал «Сутру Лотоса» в духе эзотерического буддизма. Наряду с отдельными *вака* по «Сутре Лотоса» он создал цикл «Песен по двадцати восьми главам».

№ 002 Предисловие *котобагаки*:

«...будды, Почитаемые В Мирах, появляются [в мирах] только благодаря предопределению [выполнить] Одно Великое Дело»¹⁰.

あまのはらくもふきはらふかせなくはいててややまむ山のはの月

[Сайгё, № 002]

Ама-но хара кумо фукихарау кадэо наку-ва идэдэ я ямаму яма-но ха-но цуки

Без ветра, который развеет облака в небе, разве появится луна над горой!

⁸ Перевод по: [Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы, 1998, с. 237].

⁹ Перевод по: [Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы, 1998, с. 237].

¹⁰ Перевод по: [Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы, 1998, с. 102].

Поэзия Сайгё в основном связана с описанием природы. На первый взгляд эта *вака* также о природных явлениях. Однако общий замысел «Песен по двадцати восьми главам сутры» и предисловие *котобагаки* подсказывают, что через природные явления поэт поясняет выбранную им цитату сутры. Данное стихотворение говорит: мудрость будд, появляющихся в мирах, чтобы «просветлить живых существ до знания и видения Будды»¹¹ (ветер) развеивает заблуждения и препятствия (облака) разумных существ, и тогда наступает просветление (луна).

Дзиэн, монах и глава школы Тэндай из рода регентов Фудзивара, также был известным поэтом. Дзиэн толковал «Сутру Лотоса» и *вака* по ней как непревзойденное средство просветления и спасения. Дзиэн посвятил главе «Уловки» четыре стихотворения в своем цикле нового жанра духовной поэзии *хо:раку* «Сто стихотворений о Сутре Лотоса» (*Хоккэкё: ё:бун хякусю*). Цикл был подношением в святилище Ивасимидзу Хатимангу, где, в традициях японского буддизма, почиталось божество не буддийского происхождения Хатиман. Согласно господствовавшим тогда представлениям, Дзиэн считал его «проявленным следом исконной основы» (*хондзи суйдзюку*), т.е. воплощением будды в виде японского божества. Об этом поэт написал в предисловии к циклу «Сто стихотворений о Сутре Лотоса» [Дзиэн, 2008, с. 327].

№ 2413 Предисловие *котобагаки*: «знаки» [истинной] реальности дхарм¹².

津の国の難波のこともまこととはたよりのかどの道よりぞ知る

[Дзиэн, 2008, с. 328]

Цу-но кун-но Нанива-но кото мо макото то ва таёри-но кадо-но мити ёри дзо сиру

На пути к непоколебимым вратам узнаешь истину и о Нанива, что в провинции Цу!

Перед стихотворением в качестве предисловия указано выражение *сёхо:дзиссо:* (諸法実相) из II главы из фразы: «Только Будда, а также будды способны до конца понять «знаки» [истинной] реальности дхарм (*сёхо:дзиссо:*)»¹³. Трактовка стихотворения Дзиэна обусловлена соотношением с данным отрывком из сутры: виды Нанива изменчивые и разные, но в целом Нанива можно представить полностью, увидев эту местность с дороги. Подобно этому, когда идешь по пути постижения «Сутры Лотоса», можно достичь состояния будды и понять «знаки» истинной реальности дхарм.

В этом *вака* сутра названа «непоколебимыми вратами», т.к. ее вступительные проповеди называются «врата следа», *сякумон*, а основные проповеди – «основные врата», *хоммон*. Также врата – это отсылка к «уловкам», которые позволяют войти в учение Будды. Придание нескольких пластов смыслов этому стихотворению за счет использования многозначных слов – традиционный прием японской поэзии *какэкотаба*, основанный на омонимии и полисемии. Этот же прием дает дополнительный смысл выражению *Нанива-но кото мо макото*, которое также означает «всё – истинно». Этот перевод китайских слов *сёхо:дзиссо:* комментирует и помещает в японские реалии доктрину о «знаках» [истинной] реальности дхарм.

В стихотворении также используется прием *утамакура*: *Цу-но кун-но Нанива*, «Нанива (Намба), что в провинции Цу (Сэццу)». Это порт и бухта Нанива (на территории совр. Осака), которая часто упоминается в японской поэзии как символ процветания, начала, прощания и т.д.

¹¹ Перевод по: [Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы, 1998, с. 103].

¹² Перевод по: [Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы, 1998, с. 109].

¹³ Перевод по: [Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы, 1998, с. 97].

Важным традиционным приемом Дзизэна здесь также явилось «следование изначальной песне» (*хонкадори*). Ею стала *вака* неизвестного автора в «Собрание старых и новых песен Японии» (*Кокин вака сю.*: 905, обыгранная позднее поэтом-монахом Ноин-хоси (989–?) и Сайгё. Сайгё, Дзизэн и их современники широко использовали прием *хонкадори*, который позволял создать многочисленные аллюзии, вписать буддийское стихотворение в традиционную систему поэзии и при этом, за счет сопоставления и придания новых смыслов, высказать свои доктринальные предпочтения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В процессе адаптации «Сутры Лотоса» в японской поэзии на родном языке в VIII – начале XIII вв. выделяются два основных направления: 1) японизация буддийских ритуалов и включение поэзии по «Сутре Лотоса» в эти ритуалы; 2) понимание поэзии, аристократической и народной, как буддийской практики. В результате этого двунаправленного процесса произошли значительные изменения в способах репрезентации идей, тем, мотивов сутры в японских стихотворениях. Взаимодействие этих двух основных векторов определяет общие тенденции в отражении «Сутры Лотоса» в японской поэзии в VIII – начала XIII вв. и позволяет выделить следующие периоды в процессе адаптации «Сутры Лотоса» в японской поэзии:

1. Отдельные не систематизированные *вака* (VIII–X вв.). Поэзия по «Сутре Лотоса» включается в буддийскую обрядность для совершения религиозных обрядов (по усопшему, для накопления собственных заслуг и др.), не лишенных временами магических функций. *Вака* близко к тексту перелагают на японский язык сутру на китайском языке, идет поиск путей и возможностей для передачи сутры средствами японского языка и поэзии.

2. Появляются циклы «Песни по двадцати восьми главам» сутры (начало XI в.) в религиозно-ориентированном контексте: в обрядах, как способ буддийского служения (первое теоретическое обоснование поэзии как буддийского служения у Энси). Разрабатываются способы использования символов японской поэзии для пояснения «Сутры Лотоса».

3. В придворной и народной поэзии активно слагают *вака* по «Сутре Лотоса» (вторая половина XI – первая половина XII вв.). Эти стихотворения закрепляются в структуре императорских антологий. Совершенствуется владение образностью и средствами выражения японской поэзии при передаче идей сутры.

4. Поэзия по «Сутре Лотоса» развивается в рамках новой теории поэзии, обусловленной буддийским мировоззрением (конец XII – начало XIII вв.). Сложение и декларирование *вака* по «Сутре Лотоса» позволяет автору и слушателям/читателям стремиться к духовному идеалу. Поэзия по «Сутре Лотоса» занимает место на пересечении религиозного и эстетического опыта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Акадзомэ Эмон сю: (Собрание Акадзомэ Эмон (赤染衛門集)). Кокусай Нихонбунка кэнкю: сэнта: (Международный центр японских исследований (国際日本文化研究センター)) [*Akazome Emon shū (Akazome Emon's collection).* Kokusai Nihon Bunka Kenkyū Sentā (The International Research Center for Japanese Studies) (in Japanese)] https://lapis.nichibun.ac.jp/waka/waka_i117.html (accessed: 11.02.2026).

Бреславец Т.И. *Очерки японской поэзии IX–XVII веков.* М.: Восточная литература, 1994 [Breslavets T.I. *Essays on Japanese poetry in the 9th –17th centuries.* Moscow: Vostochnaya literatura, 1994 (in Russian)].

Госю:и сю: (Позднее собрание [японских песен], не вошедших в прежние антологии (後拾遺集)). Кокусай Нихонбунка кэнкю: сэнта: (Международный центр японских исследований (国際日本文化研究センター)) [*Goshūi shū (Later Collection of Gleanings of Japanese Poems)*]. Kokusai Nihon Bunka Kenkyū Sentā (The International Research Center for Japanese Studies) (in Japanese)] https://lapis.nichibun.ac.jp/waka/waka_i004.html (accessed: 11.02.2026).

Дзиэн (慈円). *Сю:гёку сю:* (Собрание драгоценных жемчужин (拾玉集)). Под. ред. Кубота Д. (久保田淳監修). Токио: Мэйдзи сёин (東京: 明治書院), 2008. Т. 1. (上巻) [*Jien. Shūgyoku shū (The Collection of Gleaned Jewels)*]. J. Kubota (ed.) Tokyo: Meiji shoin Publishing, 2008. Vol. 1. (in Japanese)].

Кинто: сю: (Собрание *Кинто* (公任集)). Кокусай Нихонбунка кэнкю: сэнта: (Международный центр японских исследований (国際日本文化研究センター)) [*Kintō shū (Kintō's collection)*]. Kokusai Nihon Bunka Kenkyū Sentā (The International Research Center for Japanese Studies) (in Japanese)] https://lapis.nichibun.ac.jp/waka/waka_i116.html (accessed: 11.02.2026).

Лепехова Е.С. «Сутра о цветке лотоса чудесной дхармы» и ее влияние на раннюю японскую литературу эпохи Хэйан. (на примере «Гэндзи-Моногатари»). *Восток (Oriens)*. 2004. № 1. С. 126–133 [Lepekhova E. S. The “Lotus Sutra” in the “Tale of Genji”. *Vostok (Oriens)*. 2004. No. 1. Pp. 126–133 (in Russian)].

Нагато: сю: (Собрание стихотворений *Нагато* (長能集)). Кокусай Нихонбунка кэнкю: сэнта: (Международный центр японских исследований (国際日本文化研究センター)) [*Nagato shū (Nagato's collection)*]. Kokusai Nihon Bunka Kenkyū Sentā (The International Research Center for Japanese Studies) (in Japanese)] https://lapis.nichibun.ac.jp/waka/waka_i113.html#i113-001 (accessed: 11.02.2026).

Сайгё (西行). *Кикигаки сю:* (Заметки об услышанном (聞書集)). Кокусай Нихонбунка кэнкю: сэнта: (Международный центр японских исследований (国際日本文化研究センター)) [*Saigyō. Kikigaki shū (Record of Things Heard)*]. Kokusai Nihon Bunka Kenkyū Sentā (The International Research Center for Japanese Studies) (in Japanese)] https://lapis.nichibun.ac.jp/waka/waka_i135.html#i135-001 (accessed: 11.02.2026).

Сторожук А.Г. Буддийские концепты в китайской художественной литературе эпохи Тан. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика*. 2006. № 1. С. 81–89 [Storozhuk A.G. Buddhist Concepts in Chinese Fiction of Tang Period. *Vestnik of St. Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental Studies. Journalism*. 2006. No. 1. Pp. 81–89 (in Russian)].

Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы. Пер., коммент. А.Н. Игнатовича. М.: Ладомир, 1998 [*The Wonderful Dharma Lotus Flower Sutra*. A.N. Ignatovich (tr., comm.) Moscow: Lodomir, 1998 (Russian translation)].

Сэндзай сю: (Собрание [японских песен] за тысячу лет (千載集)). Кокусай Нихонбунка кэнкю: сэнта: (Международный центр японских исследований (国際日本文化研究センター)) [*Senzai shū (The Anthology of a Thousand Years [of Japanese Poetry])*]. Kokusai Nihon Bunka Kenkyū Sentā (The International Research Center for Japanese Studies) (in Japanese)] https://lapis.nichibun.ac.jp/waka/waka_i009.html#i009-019 (accessed: 11.02.2026).

Сэй Сёнагон. *Записки у изголовья*. Пер. В. Марковой. Москва: Толк, 1995 [Sei Shonagon. *The Pillow Book*. V. Markova (tr.) Moscow: Tolk, 1995 (Russian translation)].

Сю:и сю: (Собрание [японских песен], не вошедших в прежние антологии (拾遺集)). Кокусай Нихонбунка кэнкю: сэнта: (Международный центр японских исследований (国際日本文化研究センター)) [*Shūi shū (Collection of Gleanings)*]. Kokusai Nihon Bunka Kenkyū Sentā (The International Research Center for Japanese Studies) (in Japanese)] https://lapis.nichibun.ac.jp/waka/waka_i003.html (accessed: 11.02.2026).

Тагути Нобуюки (田口暢之). Ни дзю: хаппон-но ута-но ёйхо: – хонкадори саку-о тю:син-ни (Поэтика «песен по двадцати восьми главам Лotosовой сутры – о приёме цитирования *хонкадори* (二十八品歌の詠法—本歌取り作を中心に)) *Тю:сэй бунгаку (Средневековая литература (中世文学))*.

2018. № 63 (0). С. 76–87 [Taguchi Nobuyuki. Ni jū haponno uta no eihō – honkadorisaku-wo chūshin-ni (Chanting poems on the chapters of the “Lotus sutra” – focusing on “allusive variation”). *Chūsei bungaku (Medieval literature)*. 2018. No. 63 (0). Pp. 76–87 (in Japanese)].

Торопыгина М.В. Легенды традиционной японской поэзии: XII век – поэтическая школа Рокудзё. *Ежегодник Японии*. 2016. № 45. С. 238–259 [Toropygina M.V. The Legends of Traditional Japanese Poetry: Rokujo Poetry School in the 12th Century. *Yearbook Japan*. 2016. Vol. 45. Pp. 238–259 (in Russian)].

Трубникова Н.Н. Буддизм и японская поэзия в «Собрании песен о пробуждении сердца». *История и культура Японии*. Вып. 13. М.: НИУ ВШЭ, 2021. С. 32–77 [Trubnikova N.N. Buddhism and Japanese poetry in “A Collection of Songs About the Awakening of the Heart”. *History and Culture of Japan*. Issue 13. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2021. Pp. 32–77 (in Russian)].

Трубникова Н.Н. Страна Японии в «Записках о чудесах Лотосовой сутры». *Ежегодник Японии*. 2024. № 53. С. 183–209 [Trubnikova N.N. The Country of Japan in “Dainihonkoku Hokkekyō Genki”. *Yearbook Japan*. 2024. Vol. 53. Pp. 183–209 (in Russian)].

Федянина В.А., Болотская К.В. Буддийская традиция и японская поэзия сквозь призму «песен радости» (на материале цикла «Сто строф о временах года» Дзизэна). *Философский журнал*. 2023. Т. 16. № 4. С. 55–69 [Fedyanina V.A., Bolotskaya K.V. Buddhist Tradition and Japanese Poetry from the Perspective of “Songs of Joy” (Based on “One Hundred Verses about the Seasons” by Jien). *Philosophy Journal*. 2023. Vol. 16. No. 4. Pp. 55–69 (in Russian)].

Хоссин вака сю: (Собрание песен о пробуждении сердца (発心和歌集)). Симпэн кокка тайкан (Новое полное собрание японской поэзии (新編国歌大観)). Токио: Кадокава сётэн (東京: 角川書店), 1985. Т. 3 (第三卷), Сика сю: хэн (Частные собрания (私家集編)), ч. 1. С. 292–294 [*Hosshin waka shū (The Collected Songs on the Awakening of the Heart)*. Shinsen kokka taikan (Newly Compiled Comprehensive Anthology of Japanese Poetry), 1985. Vol. 3, Shikashu hen I (Private collections, I). Tokyo: Kadokawa Shoten. Pp. 292–294 (in Japanese)].

Ямамото Акихиро (山本章博). *Дзякудзэн хо:мон хякусю дзэнсяку (Полное толкование «Ста стихотворений о вратах Дхармы» Дзякудзэна (寂然法門百首全釈))*. Токио: Кадзэма Сёбо (東京: 風間書房), 2010 [Yamamoto Akihiro. *Jakuzen hōmon hyakushu zenshaku*. Tokyo: Kazama Shobō, 2010 (in Japanese)].

Kamens E. *The Buddhist Poetry of the Great Kamo Priestess Daisaiin Senshi and Hosshin Wakashu*. Michigan: The University of Michigan, Center for Japanese Studies, 1990.

Kim Y.-H. *Songs to Make the Dust Dance: The Ryojin Hisho of Twelfth-Century Japan*. Berkeley: University of California Press, 1994.

Miller S. Religious Boundaries in Aesthetic Domains: The Formation of a Buddhist Category (shakkyō-ka) in the Imperial Poetry Anthologies. *Proceedings of the Midwest Association for Japanese Literary Studies*. 1997. Vol. 3. Pp. 100–120.

Trubnikova N.N. A Collection of Tales About the Awakening of the Heart (Hosshinshū) in the Setsuwa Tradition. *Russian Japanology Review*. 2024. No. 2. Pp. 115–137.

Yamada Shozen. Poetry and Meaning: Medieval Poets and the Lotus Sutra. *The Lotus Sutra in Japanese Culture*. G.J. Tanabe (ed.) Honolulu: University of Hawaii Press, 1989. Pp. 95–118.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ФЕДЯНИНА Владлена Анатольевна – кандидат исторических наук, заведующая кафедрой японского языка Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

Vladlena A. FEDIANINA, PhD (History), Chair of Japanese Language Department, Moscow City University, Moscow, Russia.